

О. С. Дейнека

ПРЕДПОСЫЛКИ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ В СТРАНАХ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА

Экстремизм провоцируется или, по крайней мере, подпитывается нищетой, экономической депривацией, уровнем расслоения населения. Предпосылки деструктивности в молодежной среде можно искать в дефицитах и дефектах воспитания и обучения, в отсутствии или деформации идеологии и негативных воздействиях СМИ, в дефиците безопасности личности (экономической, экологической, информационной). Если экстремизм определять как вид механизма уничтожения культуры в целом, своего рода вид культурного и социального суицида (Аксеновская, 2006), то экономический экстремизм можно рассматривать как уничтожение экономической культуры и разрушение основ бытия, как фактор духовной деградации людей вследствие сверхкоммерциализации их жизни. Мы выполнили сравнительное эмпирическое исследование отношения к политическому экстремизму, экстремистам и экстремистским организациям с учетом экономических установок на представителях студенческой молодежи из четырех стран: России, Белоруссии, Казахстана и Киргизии (всего 611 чел.). Результаты исследования показали как общие, так и специфические характеристики отношения к экстремизму у студентов четырех стран. Согласно полученным результатам наибольшую зону риска в проявлениях предпосылок экстремизма представляет молодежь Киргизии. На основе факторного анализа нами разработана модель описания предпосылок экстремизма в молодежной среде. Она включает политические, экономические, социокультурные (ментальные) и индивидуальные характеристики.

А. Ю. Дроздов

МАССОВОЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ЕГО СПЕЦИФИКА

Массовое геополитическое сознание (МГПС) мы понимаем как бытовое, неспециализированное отражение геополитических явлений индивидуальным или коллективным субъектом. МГПС характеризуется следующими особенностями: 1) это «интегратор» других видов массового сознания (национального, экономического и т. д.); 2) хотя в его содержании могут быть «вкрапления» научных знаний, оно практически никогда не соответствует реальности; 3) его содержание носит смешанный характер, включая стабильные и динамичные, абстрактные и

наглядные, рациональные и эмоциональные, спонтанно возникшие и целенаправленно сформированные компоненты; 4) оно не имеет «своего» поведенческого «продукта» («геополитического поведения/деятельности») индивида или социальных групп), так как основной «продукт» носит когнитивный характер – «геополитические ментальные карты»; 5) большую часть его содержания составляют социальные представления; 6) его основная функция состоит в упрощении сложной и противоречивой геополитической реальности, в создании картины мира, адаптированной под бытовое восприятие; 7) его возникновение и развитие обусловлено стремлением человека к структурированию окружающего пространства, что, в свою очередь, связано с потребностью в безопасности. Структуру МГПС составляют геополитические образы, знания, настроения и желания (интересы). Функциями МГПС являются: 1) когнитивная – продуцирование относительно целостных и упрощенных картин социально-политической жизни на разных уровнях пространства (страна, регион, мир); 2) регулятивная – регуляция поведения (деятельности), которая прямо или косвенно касается геополитических явлений; в силу отсутствия у личности (групп) «геополитического поведения» данная функция реализуется через некоторые виды политического, миграционного или экономического поведения; 3) коммуникативная – связь индивидуального, группового и общественного уровней МГПС, обмен геополитическими знаниями, идеями, установками, обеспечение влияния институтов политической социализации.

Г. Р. Йованович (Jovanović)

PSYCHOLOGICAL CULTURE OF COLD WARS

The aim of this paper is to analyze features of psychological culture, mainly rationality and affectivity patterns, as they are emerging in public discourses on a New Cold War, especially in media representations, as offered in German newspapers and a Serbian newspaper. These new rationality and affectivity patterns, implicated or explicated in printed media representations will be compared with those developed in scientific debates on rationality during the first Cold War in 1970s and 1980s. Additionally to that a broader framework of genesis of modern Western calculative rationality and its practical and political consequences will be included as a background for positioning two models of rationality. While at the time of the first Cold War a model of formal, calculative rationality was put forward as a norm, new rationality patterns, as applied and imposed by Western politi-